

МАРИНА
ИНДИВИ

КСЕНИЯ
ПИТА

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

АДМИРАЛА СЕВЕРА

Ксения Лита Марина Индиви Благословение адмирала Севера

<https://litres.ru/74610272>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сигурд Арнсхейм мертв, и мир, который мы пытались сохранить, трещит по швам. Теперь я пленница конунга Вальдмара, разменная монета в его грязной политической игре. У меня нет союзников, эликсир утерян, а внутри меня просыпается опасная магия дракона.

Но конунг совершил роковую ошибку, оставив меня в живых. Я больше не та испуганная Анастасия, которая плыла по течению. Ради нашего ребенка я пройду сквозь лед и пламя, переиграю лжецов на их собственном поле и заставлю всех причастных заплатить за смерть моего адмирала.

Вторая книга дилогии.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	55
Глава 9	62
Глава 10	69
Глава 11	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

**Ксения Лита,
Марина Индиви
Благословение
адмирала Севера**

Глава 1

Ярослава

Я проснулась от резкой боли, ужалившей низ живота. Возможно, дело было в том, что я дни и ночи проводила на жесткой скамейке, и только Зойден, соорудивший для меня подстилку из собственной накидки, хоть немного спасал мое положение. Иногда он садился так, чтобы я могла положить голову ему на плечо, а иногда — ложился в проход между скамьями, чтобы дать мне хотя бы относительно вытянуться на деревянном настиле сидений.

Первый раз я решительно запротестовала:

— Ты можешь простыть! — возмутилась я.

— Не переживай, Анастасия, я закаленный, — отмахнулся он. — В детстве мне вообще приходилось на снегу спать.

И, как я ни настаивала, он отказывался возвращаться. Пришлось договориться с ним, что тогда он заворачивается в выданный мне плед. Дорога до замка конунга была неблизкой, и мы с ним спали в импровизированной палатке, когда я укрывалась пледом с головой, а он тоже заворачивался в него на полу.

Глядя на все это, Сольвейг тоже начала заставлять Ингрид спать на полу или изображать ее подушку. Правда, если Зойден делал все это по своей воле, Ингрид делала по приказу, но мне до этой парочки не было совершенно никакого де-

ла. Понятно, что дружбой или уважением там даже и не пахло, но единственное, что меня интересовало по поводу этих двоих — это куда они спрятали эликсир.

Обычно если я просыпалась ночью, как сегодня, я старалась лежать тихо и просто смотрела в темный потолок-тент, укрывающий нашу повозку. Думала о том, что было бы, если бы Сигурд меня послушал и отказался плыть на те «переговоры», как бы все было тогда сейчас.

Но эти мысли были столь же опасны, как и близость Сольвейг: они вскрывали края еще не зажившей раны, которая навсегда останется шрамом в моей душе. Что же касается Сольвейг, я не тешила себя мыслью, что с уходом Сигурда она оставит свои попытки мне подгадить. Такие люди не меняются, поэтому я держала ухо востро и тщательно следила за всем, что ем и пью.

И нет, я не думала, что она настолько отчаянная, что решит меня отравить в этом путешествии, особенно когда я так нужна конунгу. А вот навредить моему ребенку или Зойдену и подставить кого-то другого под удар — вполне. После того, что произошло с Вигдис, я бы уже ничему не удивилась.

Поэтому мы с Зойденом лично ходили на походную кухню, чтобы брать всю еду и горячее питье из общих котлов, тогда как Сольвейг и Ингрид ее приносили. Воины конунга смотрели на меня волками, но не отказывали, хотя в глазах этих мужчин я читала свой приговор и емкое: «Ведьма».

Очень скоро я поняла, что могу это использовать в своих

целях и, когда один из бородатых мужиков замахнулся кнутом на Зойдена, который с утра вышел размяться, я посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

— Прокляну.

После чего я этого храброго воина больше не видела ни рядом с нашей повозкой, ни вообще в поле моего зрения.

Все это, все воспоминания из близящегося к завершению путешествия пронеслись в моем сознании в тот момент, когда низ живота пронзила страшная боль. А потом она повторилась, и из глаз брызнули слезы.

— Нет, — прошептала я, прижимая ладони к животу. — Нет, нет, нет, пожалуйста, нет!

После того, что я пережила, выкидыш был бы закономерным финалом, но сама только мысль о том, что я могу потерять нашего с Сигурдом малыша, накрыла меня таким ужасом, какого я не испытывала, кажется, за всю свою жизнь. Да, я была врачом (не врачом акушер-гинекологом и даже не просто гинекологом), но все равно знала, что такое случается, и, к сожалению, зачастую даже на ровном месте, но...

Я не могу потерять нашего ребенка!

И к кому мне здесь обратиться за помощью, кроме себя?

— Зойден, — прошептала я одними губами, стараясь даже не дышать лишний раз и повторила уже громче: — Зойден...

Но мальчишка спал крепко, за время нашего путешествия он рассказал мне, что ему не раз и не два приходилось рань-

ше ходить в походы.

«Совсем мальцом», — с гордостью говорил он мне, и сейчас я застыла от ужаса, потому что не могла его дозваться.

— Чего такое? — донеслось недовольное с пола, это была Ингрид.

Она то ли не спала, то ли проснулась от моего шепота.

— Мне нужен целитель конунга, — произнесла я, стараясь не сорваться на всхлипы. — Срочно.

— С ребенком что-то? — Служанка мгновенно села на полу.

Я не была уверена, что это лучшая идея: признаваться в этом ей, но выбора у меня, похоже, не было. Потому что когда я попыталась сесть, мой живот отозвался такой болью, что я ахнула и упала обратно на накидку поверх скамьи.

— Да, — пробормотала я, стараясь дышать ровно и глубоко и не поддаваться нахлынувшей на меня панике. Ее, этой паники, было сейчас бескрайнее море, как то, что поглотило моего мужа и вот, кажется, пришло за мной и за малышом.

— Да лежи ты, дурная, — в темноте, которую разрывал только лунный свет, лицо Ингрид казалось круглым и белым, как недопеченный блин. Она резко ткнула в плечо Зойдена. — Эй ты! Надо найти Эргарда! Только морские чудища знают, где он ночует. Ты в один конец лагеря, я в другой.

Сонный парень испуганно поморгал на меня, но потом подорвался, и они вместе с Ингрид вылетели из повозки. Я же закрыла глаза, чтобы унять нахлынувшую на меня тошноту и

начала дышать по квадрату. Точнее, попыталась: паника перекрывала кислород, а, когда мне, наконец, удалось сделать вдох, на лицо мне накинули плотную ткань. Я даже не сразу поняла, что произошло, просто воздуха стало катастрофически мало, а потом поверх ткани мне в лицо вдавили еще и руку.

Я закричала, а точнее, замычала, потому что иначе сквозь ткань и удушающую силу ладони не получалось, попыталась перехватить нападающего руками, но добилась только того, что на меня навалились всем телом.

— Сдохни! — прошипела Сольвейг, продолжая меня душить: край полотна впивался мне в шею, а плотная ткань перекрывала возможность дышать. — Сдохни уже, тварь великорусская!

На какую-то долю секунды я опешила, потому что да, я считала, что она на многое способна, но никогда не думала, что Сольвейг будет действовать своими руками. А потом инстинкты взяли верх, и я отчаянно забилась под ней, пытаясь ее стряхнуть, вырваться из этого удушающего захвата, но тщетно. С каждой минутой сил во мне оставалось все меньше и меньше, и в какой-то момент перед глазами начало темнеть.

Отчаявшись, я изо всех сил впилась ногтями в убивающие меня руки, и Сольвейг взвыла, а я сделала то, чего в моей ситуации делать было никак нельзя... резко крутанулась на скамейке, и мы вместе с ней оказались на полу. Только те-

перь я сверху: воздух ворвался в мои легкие, и я закашлялась, а вместе с воздухом ко мне почему-то пришел ледяной холод. Я выдохнула облачко пара и увидела, как мои ладони покрываются инеем.

Сольвейг дернулась подо мной, но я вдавила ладони ей в плечи, и морозный узор припаял мерзавку к полу повозки. Иней окрасил стены повозки сначала белым налетом, а после — морозным узором.

— Как ты посмела меня тронуть? — произнесла я, не узнавая свой голос. Он был чужим и каким-то звенящим, так мог бы звучать морозный воздух солнечным днем.

Если бы он мог.

— Ты должна была сдохнуть! — прошипела она, неверяще глядя на меня расширенными от ужаса глазами. — Ты и твой выродок!

— Конунг тебя казнит, — пообещала я.

— Не казнит. Я тоже ношу ребенка Сигурда, и, в отличие от тебя, я умею договариваться!

— Умеешь? — усмехнулась я. — Договаривайся.

И, прежде чем она успела что-то сказать, я запечатала ей рот ледяной маской.

Глаза Сольвейг распахнулись еще шире, и в этот момент внутри меня что-то тоненько дернулось. Я почувствовала своего малыша, которого еще не должна была чувствовать, как будто он меня звал.

Оцепенение и наваждение спали, я отпрянула и вскочи-

ла на ноги, пытаюсь осознать все, что только что произошло. Ледяные узоры на стенах медленно таяли, и вместе с этим растаяли и оковы Сольвейг, и «кляп», мешающий ей говорить.

Я положила ладони на живот, но боли больше не было, ее как будто не было вовсе, напротив — я сейчас чувствовала себя так, как никогда раньше. Бодрой, по-настоящему полной сил, живой, как никогда за последнее время.

Белая, как снег, Сольвейг отползла к стенке, и в этот момент тент повозки вздернули вверх.

— Вот... она, — пробормотал Зойден, неверяще глядя на меня.

Да что там, я бы сама не поверила.

За его плечом застыли Ингрид, целитель конунга и сам конунг собственной персоной.

И в этот момент Сольвейг заорала на весь лагерь:

— Это все ведьма! Ведьма притворилась, что у нее выкидыш, отослала за помощью мою служанку! Она хотела меня убить!

Глава 2

Ярослава

Сигурда называли морским чудовищем и ледяным драконом, но, кажется, его дядя сейчас был готов приморозить меня ко дну повозки лишь взглядом.

— Тащите их сюда обеих, — прорычал он, и подбежавшие воины вытащили нас с Сольвейг из-под тента, толкнули на землю, заставив встать на колени перед Вальдмаром.

Сольвейг еще попыталась возмутиться:

— Я чуть не умерла! Это она должна быть наказана...

— Молчать, — приказал конунг. Тихо и спокойно, поэтому это прозвучало еще более зловеще, чем если бы он кричал.

Сольвейг заткнулась, а я прикусила щеку изнутри, чтобы у меня не вырвалось ни звука: я прекрасно понимала — что бы я ни решила сказать, мои слова все равно переиначат. Начну оправдываться, и станет только хуже.

— Очевидно, придется вам объяснить, зачем вы обе здесь. — Конунг посмотрел сначала на Сольвейг, а затем на меня с равной степенью безразличия на лице. — Вы всего лишь утроба для моего будущего полководца. Полководца, который вырастет и будет защищать Скьельдхейм. Мне наплевать, которая из вас двоих его выносит.

Если кратко — мы с Сольвейг для Вальдмара лишь инку-

баторы.

— Мне наплевать, кто из вас подарит мне моего лучшего воина или двух... — Конунг усмехнулся, будто ему нравилась сама идея выращивать драконов, а затем его взгляд вмиг стал зверским. Он шагнул ко мне и вцепился в мой подбородок, наверняка оставляя синяки и заставляя меня смотреть ему в глаза. — Но если вы, гадюки, вздумаете играть в свои игры, если вы в своей тупой бабьей ревности и зависти уничтожите моего морского зверя, поверьте, смерть покажется вам спасением.

— Но, конунг, — пробормотала Сольвейг, — я тут ни при чем...

— Мне плевать! — рявкнул он ей в лицо, а после перевел взгляд на меня. — Если из-за вас пострадает хоть один ребенок, я не стану разбираться, кто из вас прав, кто виноват, и брошу обеих в яму, где вы сгниете заживо.

Гадюка жалостливо всхлипнула и схватилась за живот, но вряд ли это могло разжалобить конунга.

— Если бы не твое положение, Анастасия, ты бы уже гнила в земле, — процедил он, вернувшись ко мне.

— В промерзлой земле процессы гниения происходят медленнее, — ответила я, глядя ему в глаза. — Поэтому гнить я бы начала где-то летом...

Я подавилась последним словам, потому что мне по лицу прилетело пощечиной. У меня дернулась голова. Конунг явно бил вполсилы, но все равно я почувствовала запах крови

и металлический привкус на губе. Я облизала каплю крови и посмотрела на него с ненавистью.

— Не дерзи, Анастасия. Ты неприкосновенна ровно до того момента, как разродишься. А теперь возвращайтесь в повозку. Ивар, Торир, присмотрите за этими бабами, чтобы они ни себе, ни друг другу не смели вредить!

Я с радостью вернулась на жесткую лавку: все равно лучше, чем стоять на земле. Холод давно отступил, а боль теперь беспокоила меня исключительно в ноющей челюсти и лопнувшей губе. Я зализала ранку и посмотрела на появившегося в повозке мальчика.

— Анастасия, это ведь неправда, что говорят? — спросил он тихо. — Ты не ведьма и не убийца.

— Ты многое не знаешь о своей подруге, Зойден, — хмыкнула Сольвейг.

— Мне вот интересно, ты настолько меня не боишься? — поинтересовалась я. — Чтобы делать все, что ты делаешь, и надеяться выйти сухой из воды? Конунг пустить тебя в расход ровно в том момент, когда ты перестанешь быть ему нужна.

— А кто тебе сказал, что я перестану? — прошипела эта змея.

— Главное, не приближайся ко мне, — предупредила я, — если не хочешь повторения.

— Не угрожай ей, Анастасия, — попросил меня Зойден и кивнул на дежуривших снаружи воинов. А я тяжело вздох-

нула, признавая, что он прав.

Нужно перестать давать Сольвейг преимущество, чтобы она не могла использовать мою ярость против меня самой.

— Просто не отравись своим же ядом, Сольвейг. Потому что теперь ты точно знаешь, что я ведьма.

Кайвердлания, побережье Северного моря, Тюр

Весна в Тюр заглядывала в самую последнюю очередь. Пока в южной части империи уже вовсю цвели плодовые деревья, привлекая пчел яркими ароматами, здесь, в маленькой рыбацкой деревушке природа лишь отряхивалась после затяжной зимы. Уставшее от зимних штормов море катило на берег высокие свинцовые волны. Они с шипением накатывали на широкий пляж, оставляя на песке полосы грязной пены, бурые водоросли и другие дары моря, вроде рыбьих костей или ракушек.

Ледяной пронизывающий ветер гонял песок по пляжу, создавая пологие дюны, поросшие редкими островками пожелтевшей прошлогодней травы. А темные свинцовые тучи висели в небе так низко, что, казалось их можно коснуться вытянутой рукой. Солнце здесь могло не пробиваться сквозь эту завесу месяцами. Но рыбак Тойво, живущий в маленькой хижине, что стояла ближе всего к морю, ни на что не жаловался.

Его род из поколения в поколение жил в Тюре и не знал голода. Море давало ему рыбу, он продавал ее на рынке или об-

менивал на муку и молоко. Хижину, которая примостилась в низине между крупными дюнами, построил еще дед Тойло из досок выброшенных на берег кораблей. Хотя на что-то эти северяне сгодились!

Его маленькой семье хватало, а другой жизни они не знали.

Тойло проснулся еще до рассвета. Вчера раскинутые кости сообщили, что к нему в невод должна заглянуть большая рыба.

Рыбак вышел из хижины, когда туман еще стелился по песку. Накинув на плечи тяжелый, пахнущий рыбьим жиром плащ и перехватив веревку пустой волокуши, он направился к морю, проверить выставленный с вечера невод. Сапоги увязали в сыром песке, оставляя четкие, быстро заполняющиеся водой следы.

Тойло напевал себе под нос веселую песню, совершенно не подходящую открывшейся ему картине мрачного и холодного северного утра. Но рыбак делал так всегда, перед тем как проверить насколько велик его улов.

Он почти дошел до зажигательного куплета, как вдруг остановился и нахмурился, заметив среди груды вынесенного волнами на берег мусора и темных водорослей человеческий силуэт. Тойло знал, что море никого не щадит, не раз и не два за всю свою немаленькую жизнь он видел, как оно прибивало на пляжи Тюра тела погибших во время штормов северян. В основном, их, бороздящих море на своих дракка-

рах и гневающих богов.

На мокром песке, раскинув руки и уткнувшись лицом в пенную жижу, лежал мужчина. Море изорвало его одежду в клочья, обнажив крепкое тело, покрытое синяками, глубокими ссадинами и ранами: следами недавней жестокой борьбы.

Такие морские подарки Тойло не любил, но и не трогал. Грабить мертвых — грех, а рыбы с них не получишь. Поэтому он постарался обойти павшего северянина, но краем глаза вдруг заметил слабое движение. Тот был бледный до синевы и казался мертвым... Если бы не едва заметное, судорожное движение лопаток при каждом слабом, тяжелом вздохе.

— Живой? — пробормотал Тойло и, бросив волокушку, подбежал ближе, чтобы проверить, не почудилось ли ему.

Перевернув северянина на спину, рыбак понял, что тот действительно дышит, только весь ледяной и без сознания. Море вернуло его, но, кажется, забрало почти всю жизнь.

— Всю да не всю, — досадливо поморщился Тойло и плюнул на берег, а затем бросился перетаскивать «улов» на волокушу. На санях тащить всяко удобнее было.

Тойло северян не любил, да и кто их, варваров, любит? Но бросить живого человека на смерть все равно не мог. Северянин северянином, а только богам решать, кого в море топить, а кого на берег выбрасывать.

Глава 3

Ярослава

Остаток пути до главного замка Скьельдхейма прошел в удушающем, звенящем молчании. Сольвейг меня больше не трогала, она вертелась на своей скамье, злобно зыркая на меня всякий раз, как только открывала глаза. Ингрид была тише воды ниже травы, а Зойден сидел рядом, напряженный, как натянутая тетива. Воины конунга, Ивар и Торир, ехали верхом по бокам нашей повозки, изредка они поднимали тент то с одной, то с другой стороны и бросали на нас тяжелые предупреждающие взгляды.

Но всем путешествиям рано или поздно приходит конец, вот и наше завершилось: колеса загрохотали по подъемному мосту. Холодный морской ветер, ворвавшийся в повозку, принес с собой резкий запах соли, водорослей и каминного дыма.

Мы прибыли.

Когда тент сорвали, перед нами предстал замок конунга — мрачная, высеченная прямо над высокими скалистыми обрывами цитадель. Конечно, над — это было образно выражаясь, но я увидела земли, уходящие к холодному морю. Стены из темного камня казалось, были подобраны дизайнером под окружающие фьорд утесы, высота которых даже с такого расстояния заставила мою голову закружиться. Над

высокими башнями кружили чайки, оружие, как впрочем, и чайки в любой точке земного шара. Все здесь дышало суровой, первобытной силой и властью — в данном случае, властью Вальдмара.

— Живее, шевелитесь, — скомандовал Торир, бесцеремонно хватая меня за локоть и помогая спуститься.

Место, где располагался замок конунга, ничем не напоминал замок Арнсхейм. Тот стоял на побережье, и у меня невольно сжалось сердце, когда я вспомнила, как впервые там оказалась. Как впервые встретила Сигурда на их с Анастасией, а точнее, нашей свадьбе. Как он сидел за столом, мрачный, нелюдимый и опасный, как сама стихия (по крайней мере, тогда мне казалось именно так). Я тогда думала, что он бессердечный, а теперь, когда его сердце не бьется, мое тоже медленно но верно превращается в лед.

Я отогнала от себя эти мысли: ни к чему было добавлять себе проблем еще и ковыряясь в собственной незажившей ране. Возможно, когда-нибудь я смогу думать об этом спокойно, не срывая себе нервы и сердце.

Когда-нибудь.

Но не сейчас.

Ноги после долгой дороги затекли, а разбитая губа саднила — то ли от соленого воздуха, то ли потому что я впервые за долгое время произнесла:

— Уберите руки! — когда Ивар попытался схватить меня за локоть по примеру своего напарника.

Я молчала всю оставшуюся дорогу не просто так, после того, как меня душили, говорить было крайне сложно. На адреналине я пообщалась с конунгом и со своей милой соседкой по путешествию, но потом у меня было ощущение, что я наглоталась раскаленных лезвий, и я предпочитала общаться жестами. Чтобы дать горлу восстановиться.

Сольвейг вылезла следом за мной, демонстративно прикрывая руками живот и тихо охая, надеясь привлечь внимание стражи. Но воины конунга, выстроившиеся во дворе, остались глухи к ее театральным вздохам. Для них мы были лишь ценным грузом. Активом Вальдмара, из которого он планировал выжать все по максимуму.

Сам конунг уже ушел, а теперь и нас повели через массивные дубовые ворота, окованные железом, вглубь замка. Изнутри цитадель напоминала лабиринт из факельных галерей, коридоров и анфилад. Под ногами каменная плитка, изрезанная узорами времени, иногда похрустывала, а на стенах gobelены соседствовали с трофейными щитами.

Нас привели в дальнее крыло замка: холодные переходы, лестницы — и вот мы на месте, и тут меня снова ждал сюрприз: нам с Сольвейг выделили две смежные комнаты, разделенные лишь внутренней дверью.

Которая просто-напросто не запиралась.

Очевидно, эти покои предназначались для супругов, чтобы муж в любое время мог навеститься к жене, но делить комнаты с Сольвейг?!

Хотя...

Возможно, наше соседство к лучшему?

Никогда не думала, что такая мысль вообще придет мне в голову, но ведь так мне будет проще попасть к Сольвейг в покои и найти эликсир, если он у нее.

— Когда придет Зойден? — спросила я.

Мальчик остался помогать воинам во дворе, когда мы уходили, но я надеялась, что он будет жить рядом со мной. Да, возможно это не удобно, но...

— Парень будет заниматься мужской работой, а видеться будете, если конунг позволит, — сложив руки на груди, произнес Торир. Его грубое обветренное лицо пересекал старый ужасный шрам — он тянулся ото лба до самой шеи, и уходил под воротник. — Не место мальчишке в бабьем царстве, прислуживать вам двоим будет эта.

Он кивнул на Ингрид.

— Располагайтесь, — усмехнулся Ивар, закрывая за нами засов. — Конунг велел кормить вас сытно, но из этих покоев — ни шагу. До самых родов вы под нашей охраной. И не вздумайте дурить.

Дверь захлопнулась. Я оглядела свое новое «убежище»: широкая кровать с ворохом овечьих шкур, массивный сундук, узкое окно-бойница, из которого открывался вид на равнину и серое море вдалеке, и небольшой очаг в камине, в котором уже теплился огонь. Надо было просто получше его развести.

Сольвейг тут же шмыгнула за дверь, но ее шипение донеслось до меня:

— Ведьмино отродье... Думает, если напугала меня в лесу, то и здесь будет хозяйкой. Здесь Вальдмар, а Вальдмар — это не Сигурд... Они быстро выбьет из нее эту дурь.

Ингрид ничего не ответила на такой спич, я же подошла к очагу, протягивая озябшие руки к пламени. Боль в горле, которое Сольвейг передавила, когда пыталась меня задушить, понемногу утихала, сменяясь холодной, расчетливой злостью. Правила игры изменились. Мы в клетке, конунг видит в нас лишь инкубаторы, а Сигурда, моего «ледяного дракона», больше нет.

— Поговори мне еще, Сольвейг, — тихо, но отчетливо произнесла я, глядя на танцующие языки пламени. — Стены здесь толстые, кричи не кричи, никто не услышит. К тому же, мне не составит труда проклясть твою еду так и еду твоей служанки так, что конунг не найдет никаких доказательств. Так что советую тебе спать с открытыми глазами.

По ту сторону двери мгновенно воцарилась тишина, хотя до этого эти две козы чем-то шуршали, негромко переговариваясь. На этот раз достаточно тихо, чтобы я не могла их услышать.

Я поднялась повернулась к окну. Мелкая ледяная крошка не то града не то снега застучала по камню бойницы, и в этот момент я себе поклялась, что я здесь выживу. Ради ребенка, ради себя, и никто — ни Вальдмар, ни Сольвейг не навредят

ни мне, ни ему.

Я не позволю.

Я прижала ладонь к животу, туда, где пока еще едва заметно билась новая жизнь, несущая в себе силу дракона и моего мужа. За окном Скьельдхейм погружался в сумерки, и бушующее море теперь уже казалось черным. Конунг ждет нового полководца, Сольвейг будет ждать моей ошибки, но ни ему, ни ей я не дам ни единого шанса.

Совсем рядом с замком мелькнул силуэт птицы, необычной, но память почему-то сразу подкинула картинку из учебника: буревестник — птица, которая не боится шторма. Я проводила его взглядом, чувствуя, как внутри вместо прежнего страха, разливается глухая, леденящая уверенность. В этой крепости из камня и льда у меня не осталось союзников. Значит, мне придется стать сильнее и опаснее каждого, кто решит встать у меня на пути.

Глава 4

Кайвердлания, побережье Северного моря, Тюр

Прошла неделя, а северянин так и не пришел в себя. Он лежал на широкой лавке у очага, огромный и неподвижный, словно вырезанный из кости идол, которого море выбросило на берег забавы ради.

За это время быт в хижине вернулся в привычное русло, хотя надо всеми и довлело присутствие чужака. Жизнь у моря не останавливалась из-за одного раненого варвара: Тойло с утра до ночи пропадал на побережье, потрошил улов и чинил снасти, а маленький Мати, растеряв первый страх, теперь то и дело крутился возле лавки. Мальчишка порывался то потрогать рукоять сломанного снятого с пояса северянина кинжала, то рассмотреть поближе шрамы варвара, но старшая сестра строго шлепала брата по рукам.

Когда Тойло несколько дней назад, шумно дыша, ввалился в хижину и втащил за собой волокушу, Тули уже хозяйничала у огня. В свои восемнадцать она была тонкой, но сильной девицей с серыми глазами и курносым носом. Восемилетний Мати, сидевший на лавке и вырезавший из сосновой коры фигурку лодки, при виде отца сразу вскочил, выронив ножик.

— Ого, вот это рыбина! — округлил глаза мальчишка, заглядывая за спину отцу. — Тятя, это кто? Северянин? Жи-

вой?

— Держи язык за зубами, мал еще, — прикрикнул на него Тойло, сбрасывая с плеч тяжелую веревку. — Тули, подсоби. Похоже, кости не соврали про крупный улов, да только толку от него... Снимите с лавки шкуры, кладите прямо на доски ближе к очагу.

Тули быстро сбросила на пол тюленьи шкуры, помогла отцу перевалить беспамятное тело на лавку и тут же принялась за дело, как учила покойная мать. Но стоило ее пальцам коснуться мокрой, разодранной рубахи чужака, как она испуганно отдернула руку.

— Отец, он же совсем как лед.

— Вестимо, лед, — проворчал Тойло, подбрасывая в очаг сухой плавник. — В море всю ночь проболтался. Раздевай его, девка, да растирай сукном и пойлом, пока дух не испустил. А я к неводу вернусь, рыбу-то море само из сетей не достанет. Мати, за водой!

Весь оставшийся день и следующую ночь в хижине шла тихая, упорная борьба за жизнь варвара. Но северянин никак не приходил в себя. Он лежал неподвижно, огромный, бледный, с заросшим светлой щетиной лицом, и только тяжелые хрипы, рвущиеся из его груди доказывали, что он еще продолжает цепляться за этот мир.

Странность обнаружилась ближе к вечеру. Тули без устали топила очаг: так что в хижине стало жарко, до пота. Она обмыла раны незнакомца горячим отваром целебных трав,

обработала глубокие царапины густым барсучьим жиром и укутала его в три слоя самых толстых шерстяных одеял. Но чужак не согревался. Его кожа оставалась мертвенно-холодной, словно варвар был вытесан из прибрежного валуна. Стоило Тули прикоснуться к его плечу или груди, как по пальцам девушки пробежал настоящий озноб, будто она держала руку в проруби. Даже одеяла над ним не нагревались, оставаясь прохладными.

— Отец, погляди на него, — тихо позвала Тули, когда Тойло, уставший после разделки дневного улова, сел у огня чинить порванную сеть. — Часы идут, очаг так коптит, что дышать нечем, а он как ледышка. У него даже дыхание без пара.

Тойло подошел, нахмурился и приложил широкую, мозолистую ладонь ко лбу северянина. Рыбак тут же отдернул руку и уставился на свои пальцы.

— Тьфу ты, колдовство какое-то, — пробормотал он, разглядывая чужака с опаской. — Может, северные боги его так поместили, а может, море в нем кровь заморозило. Живой ведь, зараза, а холодный, будто помер давно.

Мати с опаской наблюдал за гостем со своей лавки, не решаясь подойти ближе.

Несмотря на страх, Тули не отошла от раненого. Было в его суровом, бледном лице что-то такое, что заставляло ее сердце биться чуть быстрее. Она раз за разом смачивала его губы медовой водой, осторожно вливая по капле между

крепко сжатых зубов, и прислушивалась к его ледяному дыханию, гадая, проснется ли этот северный исполин, или их маленькая хижина станет для него последним причалом.

Но время шло, а северянин помирать не собирался. Хижина за эти дни пропиталась густым, тяжелым запахом вареных трав, хвои и барсучьего жира. Очаг посреди комнаты не гас ни на час. Дров уходило вдвое больше обычного — Тойло хмурился, глядя на пустеющую поленницу у входа, но молчал.

Вся забота о раненом легла на плечи Тули. Стоя у корыта, где отмокали испачканные тряпки, она то и дело поглядывала на гостя. Девушка исправно меняла ему повязки, обмывала бледное тело и аккуратно, по капельке, цедила ему в рот теплую уху. Раны северянина затягивались на удивление быстро: жара не было, края глубоких порезов стягивались чистой, ровной кожей. Но вот таинственный холод, сковавший его, никуда не уходил.

Эта странность пугала Тули больше всего. Шел уже восьмой день, в хижине от постоянно горящего плавника стояла духота, у Мати покраснелись щеки, а сам Тойло сидел за ужином в одной исподней рубаше, утирая пот со лба. Но стоило подойти к лавке чужака, как воздух вокруг него становился ледяным.

Вечером, когда за стенами хижины снова завыл затяжной весенний ветер, швыряя в затянутое бычьим пузырем оконце пригоршни мокрого песка, Тули в очередной раз подо-

шла сменить повязку на груди мужчины. Она протянула руку, чтобы поправить тяжелое шерстяное одеяло, и невольно замерла, коснувшись его обнаженного плеча.

— Отец, глянь, — тихо, чтобы не разбудить спящего в углу Мати, позвала Тули, — опять то же самое. Раны-то заживают, а тепла в нем ни на грош не прибавилось. Как такое быть может? У живых людей кровь горячая, а у него...

Тойло, который сидел возле огня и точил нож, отложил брусок. Он тяжело поднялся, подошел к лавке и приложил ладонь к груди северянина, прямо над сердцем. Сердце билось — редко, тяжело, словно глухие удары весла по воде, но стоило Тойло подержать руку дольше пары мгновений, как его пальцы начинало сводить от нестерпимой стужи.

Рыбак отдернул руку и с досадой вытер ее о штанину, словно испачкался в тине.

— Морские бесы, — вполголоса выругался он, хмуро разглядывая бледное лицо гостя. — От него стужей прет, как из ледника. Не нравится мне это, Тули. Ох, не нравится. Обычный человек от такого холода давно бы окочурился, а этот дышит. Может, ну его? Связать да в море обратно кинуть, пока он нам беду на дом не накликал?

— Нельзя, отец, — покачала головой Тули, загоразивая собой лавку. Она и сама боялась этой непонятной магии, но бросить северянина не могла. — Боги его на наш берег выбросили, они и судить будут. Гляди, лицо у него спокойное, не злое.

— Все они, варвары, на одно лицо, пока спят, — проворчал Тойло, возвращаясь к своему точильному камню. — Ладно, пускай лежит. Но если к новолунию не очухается — сам на волокушу погружу и отвезу к знахарю в поселок. Пусть он с этим ледяным чудом разбирается.

Тули ничего не ответила. Она подсела ближе к лавке, взяла плоску с остатками медовой воды и принялась осторожно смачивать потрескавшиеся бледные губы северянина. В полумраке хижины, при тусклом свете угасающего очага, его суровые черты казались отлитыми из серебра. Девушка вздохнула, поправила сползающее одеяло и замерла, вглядываясь в его лицо и гадая, какая же неведомая сила держит жизнь в этом ледяном теле.

Вдруг ледяная грудь северянина судорожно взметнулась, ломая привычный хриплый ритм дыхания. Плоска в руках Тули дрогнула, расплескав капли медовой воды прямо на сукно одеяла.

Мужчина рвано втянул в себя воздух, словно только что вынырнул из глубокого омута. Пальцы его огромных рук, покрытые шрамами, до белизны суставов впились в края деревянной лавки. Веки затрепетали, а на лбу, вопреки таинственному холоду, выступили крупные капли испарины.

Тойло у огня мгновенно замер, так и оставив нож прижатым к точильному камню. Скрип бруска оборвался, и в хижине воцарилась звенящая, пугающая тишина.

— Отец... — одними губами выдохнула Тули, невольно

подавшись назад.

Северянин застонал — глухо, утробно, будто этот звук пробивался сквозь толщу векового льда. Замотал головой, разметав по старым тюленьим шкурам жесткие светлые волосы, а затем распахнул глаза.

Тули едва не вскрикнула. На мгновение ей показалось, что на нее смотрят не человеческие глаза, а два замерзших зимних озера — прозрачные, пустые и пугающе светлые. В них не было ни понимания, где он находится, ни виденья скромной рыбацкой хижины. Он смотрел куда-то сквозь прокопченный потолок, в видимую только ему одному даль.

Его потрескавшиеся, синеватые губы шевельнулись. Из груди варвара вырвалось чужое, непривычное для здешних мест имя, прозвучавшее как отчаянная мольба:

— Ана... ста... сия... — Голос его сорвался на хрип, но он упрямо, из последних сил, попытался приподняться на локтях. — Анастасия...

Слова эти были чужими, резкими, не похожими на северное наречие. В этом имени было столько глухой, непереносимой боли, что у Тули сжалось сердце.

Мужчина сделал еще один судорожный вздох, словно пытался выкрикнуть это имя громче, но силы мгновенно оставили его. Ледяное тело обмякло, тяжело рухнув обратно на лавку. Глаза закатились, веки сомкнулись, и он снова погрузился в свое беспамятство, оставив после себя лишь едва заметное облачко пара.

Тойло медленно поднялся с места, не выпуская нож из рук. Он подошел к лавке, хмуро глядя на затихшего чужака, и перевел взгляд на растерянную дочь.

— Что это он сморозил? — тихо спросил рыбак, потирая кулаком подбородок. — На язык этих псов не похоже.

Тули не ответила. Она осторожно протянула руку и снова поправила сползшее одеяло, чувствуя, как от кожи северянина по-прежнему веет могильной стужей. Но теперь это чужое, горькое имя — Анастасия — словно повисло в воздухе над их очагом, сделав ледяного гостя еще более загадочным и опасным.

Глава 5

Ярослава

Несколько дней я выжидала, изучая обстановку. Мне нужно было понять, как здесь все устроено, прежде чем переходить к действиям. Я изучала распорядок дня Сольвейг: по утрам она обычно орала на Ингрид за то, что та «нерасторопная девка» и «всыпать бы ей плетей». Если бы я была на месте Ингрид, уволилась бы после первого такого заявления, но, видимо, для Ингрид такое было в порядке вещей, и она не особо заморачивалась по поводу истеричной начальницы.

После завтрака, во время которого Сольвейг умудрялась злиться, что ей одно принесли слишком горячим, а другое — слишком холодным, это не то и то не так, она приступала к ванным процедурам. Проще говоря, ей таскали воду в огромную лохань, и Сольвейг принимала ванну.

Потом Ингрид расчесывала ее и помогала одеться, и только после этого служанка появлялась в моей комнате.

— Мне твоя помощь не нужна, — я об этом ей сказала сразу, как только она пришла на следующее следующее утро после нашего заселения в отель «Северное гостеприимство».

— Но как же... — начала было она, но под моим взглядом осеклась и шмыгнула обратно.

Слава всем кому только можно, я умела привести себя в порядок сама, и у меня не возникало с этим никаких про-

блем. Я не хотела подпускать к себе эту змею, особенно после того, как она меня предала. Есть люди, которые дают второй шанс, и я была в числе этих людей, но судьба отвесила мне хороший пинок, наглядно показав, что будет, если довериться подлому человеку.

Если бы я не расслабилась и не приняла Ингрид в своих покоях, как должное, если бы не доверилась Вигдис... возможно, сейчас все было бы иначе, эликсир был бы у меня, а на мне не стояло бы клеймо ведьмы. И с конунгом я бы говорила совершенно на других условиях, но, как бы там ни было, изменить в прошлом я уже ничего не могла.

Зато могла в настоящем.

После того, как Сольвейг облачалась, она садилась что-то читать и писать, после обеда отдыхала, во второй половине дня снова орала на Ингрид (иногда я слышала звуки шлепков и пощечин), за ужином все повторялось, потом она отходила ко сну, не забыв посетовать на то, что ей приходится делить комнату с грязной служанкой, а за соседней дверью спит ведьма. Очевидно, ко мне она относилась примерно так же, как и к Ингрид (как к поломанной табуретке, которую и выкинуть не дают, и нарушает чувство прекрасного). На четвертый день Сольвейг потребовала встречи с конунгом. Это был мой шанс навестить к ней в комнату и поискать эликсир... точнее, был бы. Если бы в комнате, после того, как Ивар сообщил, что конунг готов ее выслушать, не оставалась Ингрид.

Я так разозлилась, потому что эти две курицы мало того, что меня подставили, так еще и стащили лекарство, которое я создавала для супруга. А я ночами просыпалась в холодном поту и с бешено бьющимся сердцем, вот только это были не панические атаки (если бы!), а воздействие магии ребенка, расплзающейся по моему телу.

Теперь я представляла, что чувствовал мой Сигурд все эти годы, и мое сердце просто обливалось кровью. Потому что, потеряв братьев и сестер, он знал, что каждый день может стать для него последним, если проклятие затопит его кровь целиком и вырвется из под контроля.

Ощущения были именно такими, как будто в грудь заливают ледяную воду, а затем тебя выбрасывают на сорокаградусный мороз, и ты замерзаешь изнутри.

После таких ночей я чувствовала себя измотанной, а ведь мне нужны были силы и трезвый ум, чтобы защитить себя и ребенка. В общем, когда Сольвейг увели, я разозлилась настолько, насколько это было вообще возможно. Перепады моего настроения можно было связать с беременностью и изменением гормонального фона, а можно — с самой ситуацией, где я чувствовала себя загнанной в угол, и ее непосредственными участниками. Точнее, участницами. Воровками и гадюками.

— Ингрид! — рывкнула я, хотя никогда и ни на кого не повышала голос в таком ключе. Напротив, я всегда считала, что обращение с персоналом — горничными, официантами,

любыми помощниками, отлично характеризует человека.

Потому что как человек ведет себя с теми, кто ниже по статусу, такой он на самом деле. Но Ингрид была не просто горничной или служанкой Сольвейг, она была той, кто помог своей хозяйке меня подставить, и я не могла относиться к ней ровно при всем желании.

Как ни старалась.

— Да, госпожа, — тут же всплыла она в комнату, потупив глаза.

Вот актриса, а!

— Я хочу есть, — жестко сказала я. — Сообщи на кухню, чтобы мне подали булок и соленого масла. И горячее питье, я замерзла.

— Но завтрак же был всего полтора часа назад.

— Сейчас же!

— Простите, но я не смогу уйти, пока не вернется моя госпожа. Я сейчас попрошу Ивара.

Вот же с... волочь!

Торир ушел с Сольвейг, на смену ему заступил Ивар.

— Ты не только ее служанка, но и моя. Если ты сейчас же не принесешь мне еду, — прошипела я, — я упаду в обморок, и попрошу конунга, чтобы он тебя выпорол. Выполняй!

Разумеется, ни о чем таком я никого просить не собиралась, но Ингрид воспитывалась в такой среде и говорила на языке подчинения. Вот и сейчас я увидела, как она побледнела и закивала.

— Да. Да, хорошо.

Она убежала так быстро, как будто за ней гнались морские чудища. А я оттолкнулась от подлокотников, поднялась и направилась в комнату Сольвейг.

Времени у меня было не сказать, чтобы много, а где искать, я представляла смутно. Рыться в чужих вещах мне раньше не доводилось, особенно учитывая то, что делать это нужно было аккуратно, чтобы ни Сольвейг, ни Ингрид ничего не заподозрили.

Сундуки стояли в рядок у окна, и в какой из них она спрятала мой эликсир, оставалось только догадываться. А еще оставалось надеяться, что он выжил, что у него случайно не открылась крышка, и что условия хранения, в которые она его поместила, не нарушили целебные свойства.

Метнувшись к окну, я распахнула первый сундук и принялась перебирать тряпье, которое было сложено аккуратными рядами. Я почти дошла до дна, когда дверь за моей спиной скрипнула, и я чуть было не словила инфаркт. Но, обернувшись, увидела Зойдена, который смотрел на меня большими глазами.

— Мне сказали, что я могу тебя повидать... за то, что работал хорошо. Захожу к тебе, а там никого. Ну я и решил заглянуть... — пробормотал мальчик, а я, поддавшись порыву, шагнула к нему и крепко-крепко обняла.

— Зойден, я очень рада тебя видеть, но сейчас лучше уходи. Мне нужно найти эликсир, который Сольвейг украла.

Иначе меня и моего ребенка ничего хорошего не ждет.

— Что значит уходи? — насупился он. — Я помогу искать!

И шагнул ко второму сундуку, но я его перехватила.

— Нет! Если поймают меня... будет просто неприятно. Но если тебя — тебя накажут, и конунг, и Сольвейг будут счастливы это сделать. Пожалуйста, уходи.

— Но ты одна будешь искать дольше... к тому же, я все равно уже зашел. Меня запишут в соучастники так и так.

Я скрипнула зубами и захлопнула крышку с таким грохотом, что мысленно обозвала себя душой. Но, к счастью, Ивар к нам не заглянул: очевидно, решил, что что-то упало.

— Хорошо, тогда идем ко мне в комнату, — сказала я.

— В смысле? Ты не будешь искать дальше?

— Я не прощу себе, если с тобой что-то случится из-за меня! — выдохнула я, чувствуя накатившее на меня отчаяние. Возможно, это был мой единственный шанс достать то, что защитит меня и ребенка хотя бы на первое время.

Но и подвергать опасности жизнь и здоровье этого паренька я не могла тоже.

— Пойдем, — снова шикнула я и потащила парня за собой раньше, чем он успел опомниться.

Я захлопнула дверь в комнату Сольвейг, подошла к камину и упала в кресло, закрыв ладонью лицо. Мне не хотелось показывать Зойдену свое разочарование: уверена, не такой встречи он ждал, но неожиданно для себя я снова слыша-

ла знакомый скрип. Обернувшись, с ужасом увидела, что парень снова нырнул в покои Сольвейг, но едва успела вскочить, как появилась Ингрид.

С подносом.

— Ваши булки, масло и питье, госпожа, — произнесла она, ставя еду на столик рядом со мной. — Если я вам больше не нужна, я пойду...

И шагнула было в сторону покоев Сольвейг.

— Нет! — на этот раз получилось больше нервно и взволнованно, чем в приказном порядке, и Ингрид изумленно посмотрела на меня. — Ты что, думаешь, я буду есть с подноса? Поставь это все на столик! Как полагается.

Служанка заморгала, но все-таки переставила поднос на каминную полку и принялась исполнять. Я же кусала губы, не представляя, что делать дальше. Зойден, маленький... я даже не знала, как его назвать, он так отчаянно хотел мне помочь, но он только что невероятно подставился.

Точнее, подставится, если Ингрид его увидит.

Переставив все, она кивнула:

— Как вы и просили. Заберу поднос, когда вы закончите, — и снова зашагала к злосчастной приоткрытой двери.

В голове у меня за считанные секунды пронеслись все варианты развития событий: вот Ингрид заходит и ловит Зойдена на горячем, потом возвращается Сольвейг... Или Зойден прячется, но выйти из комнаты незамеченным у него все равно не получится... Или он выбегает из покоев со стороны

Сольвейг, и это видит Ивар...

Я представила последствия настолько ярко, что мне стало не до промедления. Схватив с полки поднос я обрушила его на затылок Ингрид, и та рухнула, как подкошенная.

На звук прибежал Зойден, и, увидев представившуюся ему картину, сразу все понял и широко распахнул рот. Он заморгал часто-часто, а потом выдал:

— Да ты валькирия, Анастасия! — В голосе его звучало бесконечное восхищение.

В этот момент дверь начала открываться, и злой голос Ивара ворвался в комнату раньше него:

— Да что вы тут постоянно роняете...

Я едва успела швырнуть поднос на кресло и закрыть обзор, когда воин конунга увидел лежащую на полу Ингрид.

— Ингрид упала в обморок, — быстрее, чем он успел опомниться, произнесла я. — Помоги перенести ее на кровать в ее комнату, мне надо ее осмотреть.

Глава 6

Кайвердлания, побережье Северного моря, Тюр

Варвар, которого выбросило на их берег, оказался везучим дважды: он пришел в себя ровно за день до новолуния. Тули как раз делала пирожки, как услышала, будто что-то тяжелое упало за спиной. Резко обернувшись, дочь рыбака обнаружила спасенного викинга на полу. Наверное, он попытался встать, а тело, затекшее и обессиленное странным ледяным жаром, его не послушалось.

Тули подскочила к варвару, на ходу вытирая руки о фар-тук, и, только подхватив его под локоть, вспомнила про его магию, что жалила девушку при каждом прикосновении. Правда, в этот раз ничего не произошло, кожа викинга оказалась непривычно горячей на ощупь. Но нормально горячей, а не в лихорадке.

— Тихо-тихо, — прошептала Тули, потянув гиганта обратно на лавку. К счастью, в нем были силы ей помочь, иначе бы дочь рыбака надорвалась тащить его в одиночку. Он же огромный, что тот валун! — Тебе нужно лежать. Ты еще слишком слаб для геройств.

Викинг рухнул на лавку и прикрыл глаза, словно тусклый утренний свет, просачивающийся через бычий пузырь на оконной раме, был ярче тысячи солнц. Впрочем, когда он их распахнул, сердце Тули забилося быстро-быстро.

За эти дни девушка успела изучить лицо варвара: каждую черточку, его странный шрам — растекающиеся от правого глаза узоры вен, будто паутина. Поначалу Тули было просто жалко спасенного отцом незнакомца. Но потом, вглядываясь в суровые, резкие черты лица чужака, в синие узоры, покрывавшие его мертвенно-бледную кожу, она поняла, что больше не может думать ни о ком другом. Этот мужчина, даже беспомощный и без сознания, пугал и завораживал ее так, как не мог ни один рыбак в их богами забытой деревеньке.

— Где я? — хрипло вытолкнул из себя варвар. Его голос, рокочущий и глубокий, заставил ее вздрогнуть: он знал кайвердланское наречие, хотя и говорил с сильным акцентом. — Кто...

Он осекся и судорожно сжал челюсти, на лбу викинга выступила испарина, а его пальцы впились в края лавки с такой силой, что дерево заскрипело.

— Ты в Тюре, рыбацкой деревне, — торопливо зашептала она, коснувшись его груди дрожащими пальцами. Ей хотелось согреть его и успокоить. Но девушка едва не вскрикнула, когда он перехватил ее за руки, так и не позволив накрыть себя одеялом. — Тебя выкинуло на наш берег, а мой отец тебя спас. Меня Тули зовут. А тебя?

Больше всего Тули хотелось узнать его имя. Ей надоело называть его незнакомец, викинг или варвар, как это делал отец.

Северянин нахмурился, словно не желал делиться с ней

самым сокровенным, но вдруг огорошил девушку признанием:

— Я не помню.

— А что помнишь?

— Ничего.

— Совсем ничего?

Он уставился на нее, но словно сквозь. Будто пытался разгадать тайну сотворения мира. На его лице отразилось столько мучения, что у Тули дрогнуло сердце.

— Ничего страшного, — как можно более беззаботно сказала она, высвобождая кисти из его стальных захватов. — Со временем ты все вспомнишь. А пока отдыхай. Тебе нужны силы. — Заметив, что северянин никак не расслабляется, Тули добавила: — Ты в безопасности. Никто тебя здесь не обидит.

Только тогда складка между его бровей разгладилась. Он хрипло выдохнул и вновь прикрыл глаза.

Северянин расслабился, а вот сердце Тули рвалось из груди словно обезумевшее. От страха и радости одновременно.

Варвар не помнит собственного имени и прошлого, не это ли удача, наконец заглянувшая в их дом?

Дочь рыбака вернулась к лепке пирожков, но то и дело косилась на глиняный кувшин, в который она спрятала маленький мешочек. Вместо золота или монет в нем оказалось изящное украшение — камушек на серебряной цепочке. Северяне таких не носили, а значит, это был подарок от жен-

щины.

В самые тяжелые ночи этот варвар метался по постели и звал ее — так горько, с такой невыносимой, жгучей тоской, что у Тули сжималось сердце от ревности к безвестной чужестранке.

Она решила для себя, что отдаст подвеску ему, как только северянин проснется. Но теперь...

Тули вспомнила его потерянный взгляд и подумала, что, может, оно к лучшему, что варвар потерял память. И ему больше не нужна ни цепочка, ни напоминание о той, что занимала его мысли в прошлом.

Не зря же боги лишили северянина прошлого и отправили к ней, к Тули!

Поэтому дочь рыбака решила, что не отдаст подвеску. Никогда.

После своего пробуждения северянин быстро пошел на поправку: через пару дней он уже вставал с лавки, а к полнолунию — помогал отцу ставить сети и чинить хижину. В благодарность за спасение он переделал все, до чего не доходили руки Тойло. Он вообще не боялся работы, этот варвар, хотя шрамы на его теле говорили о том, что в своей прошлой жизни он был воином, а не рыбаком или, например, плотником.

Как он ни старался, северянин не мог вспомнить ни свое имя, ни свое прошлое. Ни даже о том, что стало причиной того, что он оказался настолько далеко от северных земель

в одиночестве.

— В наших краях по весне случается множество штормов, — заявил однажды за ужином рыбак, задумчиво погладив густую бороду. — Но ежели драккар, на котором ты плыл, разбился о камни, то его обломки вынесло бы на берег. Не говоря уже об остальных, о твоей команде. А значит, в море оказался лишь ты один. Тебя что, выкинули за борт?

— Если бы я знал, — нахмурился викинг, а затем потер виски, словно у него снова начинала раскалываться голова. Тули не помнила, на какой день, но она стрясла с него признание, что северянин мучается от боли всякий раз, когда пытается что-то вспомнить.

— Важно не то, как ты к нам попал, — возразила девушка, — а что оказался живым. Может, боги дали тебе второй шанс! Начать новую жизнь, с начала. Может, и не стоит вспоминать, что там было в прошлом?

Холодные синие, как море, глаза встретились с ее.

— Я даже не помню своего имени.

— Ты можешь придумать себе новое, — предложила Тули. — Например, назваться Онни, что означает счастье.

— Онни, — фыркнул Мати. — Ты как скажешь, сестра! Какой из него Онни? Он больше похож на медведя. Оцо идет ему гораздо больше!

— Ты медведей вообще когда-нибудь видел?

— Решать только тебе, северянин, — вздохнул Тойло. — С именем оно сподручнее будет.

Викинг перевел взгляд на брата с сестрой и кивнул:

— Я буду благодарен, если вы поможете мне выбрать новое имя.

— Давай так, мы будем называть имена, а ты выберешь какое-то одно, — предложила Тули. — Которое тебе откликнется.

Имя северянин выбрал далеко не сразу, Тули с Мати пришлось дня три перечислять ему самые разные имена, которые они могли вспомнить. Иногда они начинали идти по кругу. Пока викинг не остановился на одном — Яри.

— Яри? — удивился Мати. — Почему Яри?

— Что-то знакомое, — пожал плечами викинг, а у Тули озноб пробежал по спине. Она не хотела ничего знакомого для мужчины, которого выбрало ее сердце. И ничего не могла поделать со своими чувствами. Просто то самое глупое сердце начинало биться в два раза чаще, когда дочь рыбака смотрела на широкие плечи северянина или его суровое лицо без улыбки. Тули очень хотелось, чтобы он начал улыбаться.

Улыбнулся ей.

Девушка витала в своих мечтах, пока отец не спустил ее на землю.

— Ой не для тебя этот варвар, девка! — заявил он, когда Яри и Мати пошли за пресной водой, а они Тойло остались наедине.

— Почему же, отец? Он молод и силен...

— И отмеченный богами, — напомнил рыбак о странном холоде северянина, а Тули упрямо вскинула подбородок.

— Яри станет мне прекрасным мужем. Вот увидишь!

— Или твоей погибелью. Брось, дочка! Рано или поздно он вспомнит, кто он такой. И тогда он вернется к своим, а ты останешься у разбитого корыта.

— А если не вспомнит? Вдруг он никогда не вспомнит?

Тойло поджал губы.

— Твое право. Но вряд ли в деревне кому-либо придется по вкусу то, что твой муж — северный варвар.

— Да плевать, кто там и что думает. Мы сыграем свадьбу до конца весны.

Глаза Тули загорелись счастьем и предвкушением, а ее отцу оставалось только тяжело вздыхать и надеяться, что чужак все-таки выберет уйти. Счастье дочери было для него важно, но связанное с северянином дурное предчувствие Тойло не отпускало.

Глава 7

Ярослава

Нам с Зойденом в тот день, можно сказать, повезло. Хотя я и нашипела на него за то, что меня не послушался (после того, как осмотрела Ингрид), и мы с ним успели и поссориться, и помириться. К счастью, Ингрид не поняла, что сознание она потеряла благодаря мне, а Сольвейг была настолько увлечена собой, что на Ингрид ей было просто-напросто наплевать. Она еще и умудрилась наорать на нее за то, что та слишком медленно ее обслуживает за ужином.

На этом моменте во мне слегка шевельнулась совесть, но я ей напомнила, что это благодаря Ингрид я оказалась в той точке, в которой оказалась, и защищать ее от Сольвейг точно не мне.

Сколько дней в этом мире я не сидела взаперти? Одна темница сменялась другой с завидной регулярностью. Правда, теперь я была не одна, а с моим малышом, но все равно чувствовала себя царевной из сказки, которую злодеи вместе с младенцем запихнули в бочку и скинули в море. И, хотя я по-прежнему оставалась на суше, море продолжало мне снится каждую ночь.

Шторм, предвестник гибели Сигурда, так и не оставлял меня в кошмарах. В темной воде раз за разом тонул мой дракон, но я не могла ничего исправить. Я не могла его вернуть.

Я просто училась жить с этой утратой, потому что мне было ради кого.

Несмотря на то, что конунг не шутил на счет того, что я не могла покинуть покои, мне приносили буквально все, что бы я ни попросила. В разумных пределах, конечно же. Торир или Ивар приносили нам с Сольвейг все и, как выяснилось, даже пробовали нашу еду. Эти викинги были обучены распознавать яды на вкус, запах и цвет пищи и напитков. В общем, Вальдмар был тем еще параноиком, но я в кои-то веки была даже этому рада. Я не знала, есть ли в этой северной цитадели тот, кто хочет навредить ребенку Сигурда (не считая соседки по комнате, с ней все понятно) или разрушить планы конунга, но не собиралась умирать.

Я собиралась жить.

Впрочем, мой единственный шанс найти эликсир в тот день, кажется, действительно оказался единственным.

Потому что спустя неделю я проснулась в холодном поту и дрожа от озноба (сила малыша продолжала набирать обороты), от криков Сольвейг. Она привычно уже понукала Ингрид, чтобы та собиралась быстрее.

Собиралась?

Куда?

Несмотря на то, что меня продолжало колотить, я завернулась в плед (у меня этих пледов было по всей комнате штук десять), поднялась и подошла к двери поближе.

— Бестолочь! Это оставь! Это слуги заберут. А вот это мы

забираем с собой! И это!

Я не выдержала и рванула дверь на себя, и заметила Сольвейг, сжимающую в руках тот самый сверток, который ей передал отец. Отец. Передал.

В этот момент у меня в голове как будто что-то щелкнуло. Конечно же, Сольвейг не стала бы рисковать и прятать эликсир у себя. Конечно же, ее отец вполне мог сохранить его у себя, чтобы никто не нашел.

— Что это? — спросила я, кивнув на сверток и шагая к ней в комнату.

— Не твое дело! — огрызнулась она.

— Покажи!

— Я не обязана тебе ничего показывать.

Вместо продолжения разговора я шагнула к ней, но она заорала так, что в комнату мгновенно ворвался дежурящий сейчас Ивар.

— Что вы опять устроили? — недовольно поинтересовался воин.

Очевидно, что для него мы были не более чем обузой, он просто не мог послушаться приказа конунга. А так для бравых викингов всегда существовали гораздо более почетные задания, чем охранять двух постоянно скандалящих баб.

Я буквально прочитала это в его глазах.

— Она хочет отнять у меня подарок отца! — воскликнула Сольвейг и ткнула в меня пальцем. Совершенно не аристократичным жестом, но я уже давно поняла, что Сольвейг по

происхождению может и была местной аристократкой, но на этом все.

— Не отнять, а посмотреть, — произнесла я, — у меня есть все основания полагать, что в этом свертке то, что Сольвейг у меня украла...

— Ты называешь меня воровкой?!

— Хватит! — прорычал Ивар.

Он в два шага преодолел разделяющее его с Сольвейг расстояние и вырвал сверток из ее рук. Внутри оказалась очень красивая шкатулка, расписанная рунами и северными узорами, которые как будто светились на черном льдом. Шкатулка была пуста.

Ивар повернулся ко мне.

— Это твоя вещь?

— Нет. Не моя.

Но в шкатулке было достаточно места, чтобы спрятать пузырек с эликсиром.

— Какое же счастье, что вас наконец развели по разным комнатам! — прошипел Ивар и сунул тряпку со шкатулкой Сольвейг обратно в руки.

Значит, я не ошиблась. Она действительно переезжает. И найти эликсир теперь будет в разы сложнее, если не сказать невозможно. Ивар развернулся, чтобы уйти, а я перехватила торжествующий взгляд Сольвейг и произнесла:

— Я хочу видеть конунга. Сегодня. Сейчас же.

Сольвейг расхохоталась.

— Ну ничего себе! А больше ты ничего не хочешь?

— Цыц, женщина! — прикрикнул на нее Ивар. А после повернулся ко мне: — Я спрошу, когда он сможет тебя принять. И не вздумай разговаривать с ним в таком тоне.

Викинг вышел, а Сольвейг повернулся к застывшей Ингрид:

— Поторопись! Не стой столбом!

— Так торопишься убежать и утащить украденное?

— А ты почаще говори об этом в присутствии других! — прошипела она. — За воровство отрубают руки, а за ложное обвинение в воровстве — язык! Тебе бы не помешало укоротить твой!

Понимая, что этот разговор ни к чему хорошему не приведет, да и в принципе ни к чему не приведет, я вернулась к себе и плотно закрыла дверь. Каким образом Сольвейг удалось переехать, я не представляла, ведь изначально конунг поселил нас вместе, чтобы было удобнее нас охранять. Но, видимо, ей удалось его убедить в том, что ей лучше жить отдельно.

Я слышала шаги в ее комнате и голоса: слуги пришли за ее вещами, но Сольвейг и Ингрид к тому моменту уже ушли. Раньше нас вместе водили на прогулки, но теперь я вообще не буду знать, даже где она находится. Конечно, это можно выяснить через слуг, но у ее комнат будет стоять охрана, и незамеченной я туда точно не попаду. При мысли об этом мне захотелось что-нибудь разбить, но я сдержалась.

В конце концов, так и в истеричку можно превратиться. В истеричку, которая не владеет собой и своими эмоциями, а мне сейчас это просто необходимо. Если не ради себя, то ради малыша, каждый такой всплеск может ему навредить.

— Твой папа был бы очень рад узнать, что ты есть, — произнесла я.

На мгновение перед глазами снова вспыхнула картина, в которой я и Сигурд втроем с нашим малышом гуляем по берегу, и это было так больно, что я с трудом удержалась, чтобы не закричать. Почему я должна была потерять того, кого люблю, особенно сейчас, когда во мне растет наш ребенок? Почему он должен был умереть, так и не узнав об этом?

Тут уж впору действительно верить во все эти проклятия.

Мне пришлось мерить шагами комнату, чтобы себя успокоить. Я ходила взад и вперед до тех пор, пока не прояснились мысли и не перестало болеть сердце, которое все еще подсовывало мне такие вот картины, где Сигурд жив.

Все, Яра, дыши глубже. Дыши глубже и думай о настоящем.

Пока о прошлом думать настолько больно.

После обеда за мной пришел Торир, чтобы вывести меня на прогулку.

— Прислуживать тебе теперь будет другая девица, — сообщил он мне. — Ингрид будет только служанкой Сольвейг.

Как будто мне было до всего этого дело. Я вполне могла справиться со своим бытом сама, сейчас меня волновало

другое:

— Конунг не сообщал о том, когда сможет меня принять? Торир наградил меня тяжелым взглядом:

— У него помимо вас, девок, хватает забот. Как будет время — ты об этом узнаешь.

Время пришло не сегодня и даже не завтра. Где-то через неделю после моей просьбы (хотя, сдается мне, не после моей, а после осмотра местного целителя из-за моего очередного приступа драконьей силы), когда Ивару пришлось срочно бежать за личным лекарем Вальдмара, конунг все-таки сообщил о том, что готов со мной переговорить.

Это случилось вечером, и, оказавшись в покоях конунга, я сначала подумала, что провожавший меня Ивар ошибся дверью и привел меня не туда. Потому что в огромной достаточно прохладной спальне (несмотря на большой камин, в котором потрескивали поленья) был накрыт стол. На двоих.

Помимо дымящихся, только что поданных блюд, на столе стоял кувшин и два кубка. Это все выглядело как сцена из какого-то исторического фильма или сериала, поэтому я и подумала, что уже начинаю сходить с ума.

Но потом, когда из алькова вышел Вальдмар, все встало на свои места. Я не сходила с ума, это была моя реальность. Реальность, в которой для меня накрыли стол в покоях самого конунга.

— Ты свободен, Ивар, — хмыкнул он и указал мне на стул, который уже заранее был отодвинут. — Садись, Ана-

стасия.

Мне не оставалось ничего иного, кроме как подчиниться.

Вальдмар опустился за стол напротив меня и произнес:

— Я хочу, чтобы ты стала моей супругой, Анастасия.

— У вас уже есть жена...

— Сегодня есть, завтра нет. Она родила мне слабого наследника и наплодила девиц. А ты беременна сильнейшим воином Скьельдхейма. Поэтому станешь моей.

Глава 8

Ярослава

Я уже успела убедиться в том, насколько конунг жестокий и безжалостный правитель. Что он идет по головам, что для него важна только его цель, остальное и остальные — лишь сопутствующий ущерб. Но только в этот момент я по-настоящему осознала, насколько в нем сильна тьма.

Ему было не жаль своего племянника. Он жалел лишь о том, что потерял свое морское чудовище, мощь своей армии.

Ему было не жаль Вигдис. Он буквально пустил ее в расход, желая подставить меня, а после манипулировать Сигурдом.

Ему было даже не жаль свою супругу, которая провела с ним бок о бок множество лет, подарила дочерей и сына.

Все они были расходным материалом, всего лишь ступенями для амбиций Вальдмара.

Но с конунгом все было понятно. Вопрос оставался в том, что мне делать с его *щедрым* предложением? Я считала, что моя жизнь достигла дна, но, как в той плохой шутке, снизу только что постучали.

Я ненавидела Вальдмара всем сердцем: из-за его жестокости, из-за его алчности, из-за которой погиб мой любимый. А он предлагает мне заменить его жену, делить с ним постель... Мерзость!

— Нет, — ответила я прямо ему в глаза, впрочем, стараясь скрыть охватившее меня отвращение. Вальдмар — ядовитый змей, задеть его это — обрести заклятого врага, который не гнушается самыми подлыми методами и наверняка отомстит. — Я не буду вашей супругой. У меня есть муж...

Невозмутимо намазывающий масло на ломоть хлеба конунг хмыкнул.

— Твой муж на дне морском, Анастасия.

— Вы заключили договор с моим отцом, что я буду женой Сигурда, не вашей.

— И что? Выходила замуж за ярла, а станешь супругой конунга. — Вальдмар откусил кусок хлеба с маслом и поморщился, будто еда испортилась. — Я тебя не уговариваю, девка. Мне что, делать нечего? Я для себя уже все решил. Ешь, моему ребенку нужны силы.

От осознания, в какую ловушку я попала, мои пальцы заледенели. Во мне вспыхнула холодная ярость пополам с чувством безнадежности.

— Это мой ребенок, — процедила я. — Наш с Сигурдом. Вы к нему не имеете никакого отношения.

Я поймала злобный взгляд Вальдмара, он бросил хлеб на тарелку, а затем выбросил руку вперед. Стол был небольшим, поэтому он схватил меня за косу и резко потянул на себя. Я вскрикнула от боли и подскочила.

— Забудь про Сигурда, девка. Чтоб я больше не слышал этого имени! Морской зверь, которого ты носишь, принад-

лежит мне и только мне.

— Это ребенок. Он не может никому принадлежать...

— Заткнись! — прошипел конунг мне в лицо, наматывая косу на запястье. — Все на этой земле принадлежит мне, и ты в том числе.

Противен! Насколько же мне был противен этот монстр!

— Если вам так хочется, женитесь на Сольвейг, — выпалила я, упершись ладонями ему в грудь, в тщетной попытке оттолкнуть и при этом не лишиться волос. — Она же тоже носит ребенка вашего племянника!

— Сольвейг? — хмыкнул Вальдмар. — Зачем мне шлюха в роли жены? А ты, княжна, годишься мне по статусу. Тем более не выходишь из моих мыслей с тех пор, как я тебя увидел в княжеском тереме. Я все думаю и думаю, насколько сладкие твои губы...

Конунг резко потянул меня на себя, и я проехала по столу, сметая все на своем пути: тарелки с грохотом полетели на пол. В один миг я оказалась в объятиях-захвате Вальдмара, а в следующий его губы накрыли мои во властном, жестком поцелуе.

Паника подкатила к моему горлу, я забилась в этом захвате, заколотив кулаками по плечам и груди конунга, вцепилась зубами в его губу.

Вальдмар отодвинулся от меня, слизывая кровь и с кривой ухмылкой подытожил:

— Горячая. Все как я люблю. — Он кивнул на кровать

в углу. — Ложись, Настя, и раздвинь ноги пошире. Утоли голод своего конунга.

Я застыла изваянием, потому что меня накрыло даже не ужасом, шоком. Конечно, я прекрасно помнила сальные взгляды Вальдмара и его угрозу воспользоваться правом конунга. Так не смотрят на женщину, которую не хотят заполнить в свою постель. У Вальдмара, кажется, пунктик по поводу того, чтобы забирать чужое: он бесился от власти Сигурда, от его умения обращаться драконом, так же его корбило, что приходится отдавать молодую соблазнительную княжну своему племяннику.

Сигурд был единственным, кто мешал конунгу почувствовать себя самым-самым. А теперь его нет, и больше никаких преград тоже нет.

Вот только я не собиралась сдаваться. Отдаваться этому мерзкому чудовищу. Становиться его женой и постельной игрушкой.

В моих мыслях и чувствах лишь один муж. Сигурд.

Но даже с его смертью я бы никогда не выбрала конунга.

— Для меня лучше тюрьма или смерть, чем твоя постель, — выплюнула я.

Блеск довольства и предвкушения, сквозящий во взгляде Вальдмара, погас, улыбка растаяла. Он с силой сжал зубы, так, что на его лице заиграли желваки, а затем схватил меня за локоть и сдернул со стола.

— Смерть или тюрьма, говоришь? — прошипел он так,

словно был настоящим змеем. Холод мурашками пробежал по моей спине. — Бабы существуют для того, чтобы рожать и удовлетворять мужей, ты такая же, Настя!

Я попыталась вырваться, но Вальдмар лишь крепче вцепился в меня, дотащил до кровати и швырнул на нее.

— Ничего, скоро ты у меня будешь кричать от восторга, — пообещал этот монстр, расстегивая пояс и стягивая штаны.

— Нет!

Паника вернулась, накрывая меня с головой. При одной мысли, что конунг прикоснется ко мне, на меня накатывала тошнота, а во рту растекалась горечь. Но хуже стало, когда я ощутила знакомый холод — предвестник приступа. Он сковывал мое тело, запирая разум внутри. Словно скручивал меня спазмами.

В таком состоянии было невозможно бороться, да и толку, если Вальдмар сильнее и больше меня. Я даже соображала с трудом, и мне стало еще страшнее.

Но стоило конунгу коснуться моих бедер, как его обожгло холодом, которое источало мое тело. Он одернул руки и с непониманием посмотрел на свои ладони, которые теперь выглядели так, будто он сунул их в кипяток или держал в снегу.

— Что за..?

А у меня вырвался смешок: очевидно, я была уже близка к истерике.

— Прости, конунг, но твой будущий сильнейший воин против того, что ты собираешься сотворить с его матерью.

Лицо Вальдмара потемнело.

— Ты думаешь, меня это остановит?

Я выставила руку вперед, когда он вновь шагнул к постели.

— Подожди, Вальдмар, — попросила я. — Не трогай меня. Я не знаю, как работает проклятие, но знаю, как работает женское тело. Мы, женщины, очень хрупкие, и в один из таких приступов, вызванных сильным волнением или попытками принудить меня к... половому акту, я просто могу потерять ребенка. Неужели оно того стоит?

Он застыл, а я искренне понадеялась, что алчность конунга все-таки возобладает над его похотью.

Спустя долгую паузу алчность все-таки победила, и Вальдмар все же отодвинулся от меня и натянул штаны. Но я не спешила выдыхать с облегчением: рядом с этим монстром невозможно было расслабиться.

— Тогда зачем ты требовала встречи со мной? — возмущенно поинтересовался он. А я едва подавила горький смешок, прокашлялась и села на постели. Значит, с Сольвейг все понятно, и почему конунг назвал ее девушкой легкого поведения в том числе.

Приступ не прошел, волны холода и боли все еще продолжали отголосками блуждать по моему телу. Но хорошая новость была в том, что я могла говорить и себя контролиро-

вать.

Я посмотрела в глаза конунгу и ответила:

— Из-за моих приступов и безопасности моего малыша.
Мне нужно зелье, которое у меня выкрала Сольвейг.

Глава 9

Ярослава

— Зелье? — усмехнулся он. — Говоришь, как настоящая ведьма.

— Эликсир, — не моргнув глазом, ответила я.

Зелье, эликсир — какая разница. Только оно может мне помочь.

Я не пошла бы к Вальдмару, если бы не понимала: в любой игре существуют правила, и либо ты их принимаешь, либо вылетаешь в лучшем случае на обочину, а в худшем — из жизни. Когда ты на территории змей, тебе придется научиться шипеть. Иначе ты просто не выживешь.

И если бы у меня не было того, ради кого стоит жить... возможно, я бы сдалась. Но сейчас, когда конунг посмотрел на меня в упор, я не отвела взгляда.

— Итак, Настя, ты просишь меня об одолжении. Но что ты мне дашь взамен?

Как же меня коробило это его свойское Настя, не говоря уже о чем-то большем. Если конунг думал, что женщин заводит подобное обращение, то у него явно были крайне устаревшие сведения.

«Звезды», — подумала я, и это была еще самая цензурная мысль, которая сейчас пришла ко мне в голову. Конунга бы познакомить с Антоном, у них бы все срослось. Бизнес бы

открыли вместе, войну везде где можно развязали.

При мысли об этом я поморщилась.

— Я подумаю над вашим предложением.

— Не так давно ты говорила, что лучше смерть или тюрьма, — усмехнулся Вальдмар.

— Потому что я не знаю от вас ничего, кроме грубости. В Великоруссии мужчина заботится о своей женщине, защищает ее. Я полюбила Сигурда, потому что он и словом и делом доказал, что рядом с ним я буду в безопасности. Если я почувствую себя в безопасности рядом с вами, все может измениться.

Сейчас меня корбило уже от этих слов, потому что я прекрасно понимала, что позволю конунгу приблизиться к себе, только если буду без сознания. Мне казалось, что я своими словами предаю Сигурда, нашу с ним любовь. Сейчас я была рада, что успела сказать ему об этом, и ему, и его дракону. Это его не спасло, но по крайней мере, он это знал... и, надеюсь, чувствовал.

— А ты продуманная баба, княжна, — заявил конунг, усмехаясь. — Я-то все думал, чем ты взяла моего племянника... за все время, что я его знаю, ни одна не сумела завладеть его мыслями, а ты смогла. Значит, я в тебе не ошибся.

Ошиблись. И сейчас ошибаетесь.

Но лучше считайте меня змеей... и возможно, настанет время, когда это станет вашей роковой ошибкой. Потому что если придется кусаться, чтобы защитить своего сына или

дочь, я не буду терзаться принципами.

— Что ж, хорошо, — произнес он. — Давай сыграем в эту твою игру. Я достану для тебя зелье...

— И накажете Сольвейг за воровство.

Конунг вскинул брови:

— Может, еще и ведьмой ее объявить?

— На ваше усмотрение.

Он перехватил меня за плечи, явно собираясь встряхнуть, но удержался. Вспомнил, что я беременна.

— Не забывайся, девка. То, что я заскучал, еще не значит, что я буду выполнять все твои капризы.

— Это не капризы. Это законы Скьельдхейма. Или вы простите ей то, что она ведет игру за вашей спиной?

Конунг выпрямился и вздернул меня на ноги, а я подумала, что на сегодня хватит. Пусть дальше сам решает, что ему делать: для него ведь важно думать, что решает именно он.

— Ты получишь свой эликсир, — усмехнулся конунг. — А после удовлетворишь меня как мужчину. Так уж и быть, ртом. Я не стану брать тебя, пока ты не родишь. И если мне все понравится, я подумаю о том, как наказать Сольвейг. А если нет...

Он не договорил, но его лицо превратилось в хищную маску, намекая на то, что ничего хорошего меня не ждет. Он махнул рукой, отпуская меня, и я на негнущихся ногах направилась к выходу. Ну что ж, теперь... теперь ход за Сольвейг. В том, что ей доложат о том, что я была у конунга, я

даже не сомневалась.

А дальше все зависит от того, насколько я буду убедительна.

Когда я вернулась к себе, у меня дрожали и ноги, и руки, и, кажется, дрожала я вся. Не от холода приступа, но я все равно завернулась в плед и села поближе к камину. Когда я просила избавить меня от Антона, я не догадывалась, что у меня появятся враги гораздо опаснее.

И что я сама буду играть в их игры, чтобы защитить себя и ребенка, но...

Я знала, что отступать не намерена. И что рано или поздно каждый из них ответит за то, что сделал. Особенно за смерть Сигурда.

Глубоко вздохнув, я посмотрела на пламя. Мне бы хотелось, чтобы в нем сгорели вся боль и тьма, которые просыпались во мне, когда я думала о гибели мужа, но увы. Казалось, оно только их разжигает, поэтому я совершенно не чувствовала угрызений совести, когда ко мне ближе к ночи все-таки заявила Ингрид.

Я даже не сомневалась, что Сольвейг отправит свою служанку-подружку (если так можно выразиться, учитывая, как она с ней обращалась), которая всегда ей помогала, поэтому даже не удивилась.

— Что ты здесь делаешь? — холодно поинтересовалась я, когда Ингрид вошла.

— Слышала, что вы отказались от личной служанки, все

делаете сами. Вот пришла вам помочь.

— Или Сольвейг отправила тебя, чтобы аккуратно разузнать, о чем мы говорили с конунгом?

Лицо Ингрид пошло красными пятнами.

— Я не... нет, все не так...

— Брось, — перебила я ее попытки оправдаться. — Можешь рассказать своей госпоже, что я скоро тоже переезжаю. А еще — что скоро в ее покои придут с обыском и найдут то, что она забрала у меня. Я тоже умею договариваться с конунгом, так что скоро вам двоим мало не покажется.

Служанка, которая до этого покраснела, сейчас стала белой как мел.

— И даже если вы избавитесь от эликсира, наказания вам избежать не удастся, — усмехнулась я. — Но если вы принесете его мне, если вы мне добровольно его отдадите, я сделаю вид, что ничего не было.

Конечно, я рисковала, и еще как. Но мой ужин у конунга, как и накрытый стол, явно уже не были для Сольвейг тайной: Ингрид, как мыло, пролезет в любую щель и наверняка они уже наладили свою сеть информаторов. Учитывая, что каждый меряет по себе, она наверняка понимала, что я могла договориться с Вальдмаром (что, по сути, было правдой). Вот только договорилась я не так, как она думала. Хотя выглядело все более чем правдоподобно — для конунга я была новой игрушкой, а Сольвейг уже могла и надоесть. Если я правильно рассчитала ход ее мыслей, у меня все получится.

А если нет...

Но об этом думать я не хотела.

Я была новичком в таких играх, но я училась у лучших. И, надо сказать, с учебой у меня проблем никогда не было, я все понимала с полуслова и быстро.

И если я правильно изучила Сольвейг, все у меня получится. И рыбку съесть, и никуда не сесть, как бы цинично это ни звучало.

— Ты меня поняла? — уточнила я, глядя на лишившуюся дара речи Ингрид. — Сейчас ваша единственная возможность избежать наказания — вернуть мне эликсир Сигурда. Целым. Невредимым. Во всех остальных случаях...

Я тоже не договорила, как и конунг буквально пару часов назад. Ингрид убежала, а я осталась сидеть в кресле, глядя на огонь. Сольвейг могла бы просто его вылить, исключительно для того, чтобы насолить мне, но она слишком трясется за свою шкуру. Нет, она будет делать то, что нужно мне.

Ингрид вернулась через час, за это время ко мне уже заглянул Торир и поинтересовался, какого морского демона я не ложусь спать.

— Не хочу, — ответила я. — Жду Ингрид.

— Тебе девку прислать, чтобы помогла раздеться?

— Нет, мне нужна определенная девка.

Торир выругался сквозь зубы, сплюнул себе под ноги в коридоре и захлопнул дверь.

Я же оставалась совершенно спокойной и когда ко мне

в комнату скользнула Ингрид, достав из кармана передника тряпку, в которую был завернут эликсир. И, когда я удостоверилась в том, что это действительно он, и когда она помогла мне раздеться, и даже когда в покои опять заглянул Торир, чтобы убедиться в том, что я сплю.

Но когда за ним снова закрылась дверь, и я осталась одна в тишине, с бешено бьющимся сердцем, меня затрясло. Я прижимала к груди эликсир, и меня колотило от избытка адреналина, и только мысли о Сигурде и о ребенке на этот раз помогли мне успокоиться.

— Я спасу нашего малыша, — поклялась я мужу, хоть он и не мог меня слышать. — И я всегда буду ему защитой, как был для меня ты. Я буду любить его за двоих...

На этом мой голос сорвался, но я все равно закончила эту клятву:

— В два раза сильнее, потому что ему достанется и моя любовь к тебе.

Глава 10

Кайвердлания, побережье Северного моря, Тюр

Яри сидеть без дела не умел. Как только ледяной жар отпустил его тело, а ноги перестали подкашиваться, северянин сразу взялся за работу. И руки у него оказались золотыми. Он редко покидал хижину, зато внутри и вокруг дома переделал все, до чего у старого рыбака годами не доходили руки. Починил покосившееся крыльцо, укрепил стену, которая сифонила каждую зиму, не гнушался даже помогать Тули на кухне, чем приводил девку в восторг.

Глядя на то, как легко варвар справляется с любой работой, Тойло впервые задумался: может, Тули права, и зять лучше ему не найти?

В тот день море штормило с ночи. К утреннему отливу волны поутихли, но пригнали к берегу кучу мусора. Вот он и порвал тяжелые донные снасти Тойло. Рыбак сидел на берегу и безуспешно пытался связать узлами толстые, задубевшие от ледяной воды канаты. Суставы крутило от вечной сырости, и дело шло из рук вон плохо.

Яри сел рядом на перевернутую лодку, забрал из скрюченных пальцев Тойло иглицу для вязания и принялся за работу.

Рыбаку лишь осталось наблюдать за руками северянина. Огромные, в мозолях от меча и усеянные россыпью шра-

мов, они двигались с поразительной, почти пугающей проворностью. Яри плел эти узлы так уверенно, словно занимался этим всю жизнь. Но в его движениях не было легкости обычного рыбака: он делал это так, как затягивают подпругу воины у боевого коня или вяжут узлы на драккарах бывалые моряки.

— Откуда в тебе это? — не выдержал Тойло, внимательно следя за его работой. — Ты ведь не из наших. Это не рыбацкий узел. Этот узел... Он держит мертвой хваткой. Его только рубить.

Иглица застыла в пальцах варвара. Он уставился на свои руки, будто они принадлежали кому-то другому, а на лбу у него прорезалась та самая глубокая, мучительная складка — знак того, что он снова пытается пробить стену в своей голове.

— Не знаю, — хрипло отозвался он. — Руки сами помнят.

— Помнят, — тихо повторил Тойло, и в его голосе проскользнула тревога. Старик поправил ворот куртки, защищаясь от колючего ветра. — Руки-то помнят, Яри. И тело твое помнит, как убивать и как выживать. Ты помогаешь мне, и я ценю это, парень. Но море не обманешь. Ты ведь как этот шторм — затих до поры до времени, а потом как разразится!

Яри сжал челюсти и с удвоенной силой принялся затягивать петли. Но Тойло успел заметить, как трава вокруг его сапог на мгновение подернулась тонкой корочкой инея. Магия внутри него с радостью откликалась на любую попытку

вспомнить прошлое.

Рыбак и мог бы смириться с выбором дочери, тем более что помощь Яри пришлась как нельзя кстати, да только ледяная сила варвара не позволяла успокоиться. Тули искренне верила, что если северянин останется здесь, на берегу, привязанный к этим сетям и мирной жизни, то прошлое никогда его не найдет. Ее же отцу оставалось лишь надеяться, что это прошлое не явится в их маленький дом штормом и не смоет его жестокой волной с лица земли.

Тойло повезло, что его хижина стояла ближе всех к морю, поэтому обычно он сам отвозил выловленную рыбу в деревню, а гостей вообще не помнил, когда принимал. Да и не считая воскресенья, он не появлялся в Тюре вовсе. Поэтому про приблудившегося варвара никто из деревенских не знал.

Пока не знал.

Обычно Тойло справлялся сам, но в тот день старые суставы подвели его окончательно: спину скрутило так, что рыбак не мог даже разогнуться, чтобы сойти с крыльца. Две тяжеленные бочки с сельдью, которые нужно было доставить в деревню, так и остались стоять в телеге.

— Я пойду, — коротко бросил Яри, перехватив ременную упряжь. — А Тули меня проводит.

Тули так обрадовалась предложению северянина, что бросила домашние дела.

— Потом все доделаю, — пообещала она отцу. — Тем более люди ждут твою рыбу.

— Люди, говоришь, — хмыкнул Тойло и скривился от острой боли в пояснице. По сути, отказаться он не мог. Да и прятать северянина вечно — тоже. Дочка смотрела на него таким взглядом, что сразу становилось понятно, что идею со свадьбой она не оставила. Если потерявшего память варвара спрятать можно, то сделать это с зятем сложнее.

Яри и Тули собрались быстро. Накинув старый рыбацкий плащ с капюшоном, чтобы скрыть волосы и приметные синие узоры на лице, северянин потащил телегу в сторону деревни, а девушка накинула шерстяной платок на плечи и пошла рядом.

Дорога к деревне петляла между замшелыми валунами и кривыми северными соснами. Колеса телеги тяжело поскрипывали, нагруженные соленой сельдью, но Тули этого скрипа почти не слышала — в ее ушах шумела кровь от внезапной, ошеломительной радости.

Они шли вдвоем. Только она и Яри.

Яри сам позвал ее в провожатые!

Хотя он, конечно, впервые шел в деревню и не знал дороги, но он мог позвать Мати. А выбрал ее! Это ли не знак того, что он хочет побыть с ней наедине?

В мыслях Тули уже вовсю представляла свадебные хлопоты: как она отправится в традиционный обход деревенских дворов. Накинув на плечи лучший платок, она будет заходить в дома, кланяться хозяевам, а те станут бросать в ее расшитый мешок мотки овечьей шерсти, пучки мягкого льна

или медные монеты для будущей семьи. Ей совсем не стыдно будет просить эту помощь, ведь это будет значить, что все признают ее невестой Яри.

После будет предсвадебная баня. Тули жмурилась от удовольствия, когда представляла, как девушки из деревни станут тереть ей спину солью с мукой, чтобы защитить от сглаза. А вот на обряде «уплакивания» не собиралась ни проронить не слезинки, несмотря на то, что так положено, рыдать при расставании с семьей и домом. Разве можно плакать, если твой родной дом теперь будет там, где Яри?

Проблема была в том, что пока все это существовало только в ее голове. На деле же их отношения упрямо топтались на месте. Яри был надежным, как скала, и таким же молчаливым. Они вместе делили работу и кров, но до сих пор между ними не случилось даже робкого поцелуя. Только взгляды, в которых Тули отчаянно пыталась разглядеть хоть каплю той бури, что бушевала в ней самой.

Она снова посмотрела на его суровый профиль. Лошади у них не было, и мужчина сам тянул тяжелую телегу, даже не думая жаловаться. За все то время, сколько Яри пробыл у них, Тули не разу не слышала, чтобы он на что-нибудь жаловался. Отец, например, всегда любил поворчать, а вот северянин шел и делал. Он вообще столько сделал для них, что хватило бы на несколько спасений их моря! Поэтому Тули не сомневалась в своем выборе жениха.

Да только как сказать Яри, что он может остаться с ними

насовсем?

— Яри, — Тули поправила висевшую на плече корзину — они собирались не только рыбу продать, но и сразу купить свежее молоко и яйца — и заглянула мужчине в лицо. — А ты... ты не думал о том, чтобы обзавестись своим хозяйством? Собственным домом?

— Своим домом? — переспросил он, бросив взгляд из-под капюшона. — Мое прошлое все словно в тумане, но я думаю, что у мужчины должен быть свой дом, Тули. И земля, которую он может защитить. Иначе какой он мужчина?

Казалось, Яри тащил телегу с такой легкостью, что Тули едва поспевала за его широким шагом, но ее сердце пропустило удар от восторга.

Он согласен! Он думает так же, как она!

Тули едва сдержала победную улыбку и продолжила:

— Отец стареет, море забирает последние силы... А Мати еще слишком мал для помощи отцу. Нашему двору нужны крепкие руки. Тебе не обязательно уходить далеко, Яри. Можно ведь... построить новый сруб прямо за нашим малинником, ближе к опушке. Там и до берега близко, и от ветров лес защищает.

— Твой отец добр ко мне, — ответил северянин. — Он дал мне кров, когда море выбросило меня на берег. Но я чужак в этих землях. Я не помню, кто я. Вдруг там, за морем, у меня остался долг? Или враг, который придет по моему следу? Строить дом на тумане нельзя, Тули. Это плохая опора.

Она рухнет при первом шторме.

Девушка обежала его со стороны дороги, и, будь Яри менее проворным, он бы в нее врезался. Но он остановился почти вплотную.

— Море смыло все твои следы, вряд ли твой враг, кем бы он ни был, станет искать мертвеца, — протараторила она, боясь, что Яри ее перебьет или начнет спорить. — А долг... Все твои долги обнулились, когда ты все забыл. Это твой шанс начать новую жизнь, Яри. Со мной.

Набравшись смелости, Тули качнулась вперед, положила ладони на плечи северянина, привстала на носки и дотянулась до его сухих, потрескавшихся на ветру губ.

Глава 11

Ярослава

Хранить эликсир у себя было нельзя ни при каких обстоятельствах. Да, я обыграла Сольвейг и Вальдмара на их же поле, но это была маленькая победа. Которая могла обернуться крупными неприятностями в случае, если мой план раскроется. А он точно раскроется, если конунгу придет в голову обыскать мою комнату. Поэтому на следующий же день я попросила Ивара о новой встрече с Зойденом. Тот пробурчал что-то про «обнаглевших баб», но сказал, что если конунг позволит, то будет мне прогулка. Но не раньше, чем через неделю, потому что конунг куда-то уехал по срочным делам.

Я перелила часть эликсира в небольшой пузырек, который забрала с собой из лаборатории, а основной спрятала в куколку, которую мне принес Зойден перед отъездом. Пришлось распотрошить ее внутренности и голову, набитые похожим на вату материалом, а потом я исколола все пальцы, заново сшивая ее (куколку знатно перекосило, и она стала похожа на персонаж из ужастика), но так я, по крайней мере, была уверена, что никто не найдет и не отнимет то, что позволит мне выносить и родить моего малыша.

Раньше я бы никогда не решилась на то, на что решилась сейчас. Я создавала эликсир для Сигурда, я была уверена в том, что делаю, и я знала, что в нем нет ничего, что может

навредить. Более того, я прекрасно понимала, что это никакая не магия, это воздействие определенных целебных трав и растений, но не зря беременным запрещены и лекарства, и БАДы. По крайней мере, большая их часть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.